

В ванной комнате Синь Юнчжи, уже завершившая свою порцию вечернего купания, закутала свои мокрые черные волосы в полотенце, посмотрела на себя в зеркало и на лице её появилось холодное, сердитое выражение. — Хорошо, очень хорошо, — шепнула она, глядя на часы. Вечер, уже восемь часов, а ни звонка, ни сообщения... — Я действительно принадлежу тебе, Чэн Цзиньян! С тихим вздохом она села на диван в гостиной, высушила волосы феном и долго смотрела в темный вечер за окном. Взяв в руки мобильный телефон, она чуть нажала на экран пальцем и сделала звонок. — Я — Синь Юнчжи, — произнесла она холодным тоном, как только связь установилась. — Соедините меня с [Наземной сетью]. Группа Хэцзян Синсян занимается множеством промышленных направлений. Практически все компании общественного транспорта и логистики по всему региону дельты Янцзы находятся либо под прямым, либо под косвенным контролем Хэцзян Синсян. Используя "массовый эффект" своих семейных связей для долгосрочного и систематического снижения затрат на хранение и транспортировку, они почти не имеют на рынке конкурентов. Это была ясная констатация. На самом деле, Хэцзян Синсян не собирается ограничиваться лишь статусом "логистического владыки". Под предлогом строительства логистических распределительных станций они сплели тайную подпольную сеть в дельте Янцзы, поглощая всех контрабандистов и трейдеров информации из северных и южных регионов в свои обширные щупальца этой [подпольной сети]. Скоро на связь вышел ответственный по наземной сети в районе Пуку и сказал с уважением: — Мисс. — Проверьте информацию о человеке для меня. — Слушаю. — Чэн Цзиньян — потомок семейства Чэн в столице Шэнду. Его отец — Чэн Циньхэ. По сведениям, он должен был находиться в «Клинике У Цюэ Мэй» на улице Бу Юэ в городе Уцзян в районе Пуку в десять часов утра, а потом его следы затерялись. Помогите мне выяснить его текущее местоположение и компанию. — Хорошо, мисс, мы уже обладаем его информацией. Результаты будут направлены вам позже. Синь Юнчжи положила трубку, холодный блеск засверкал в её глазах. — На третий день нашего совместного проживания ты уже научился не спать всю ночь... Чэн Цзиньян! Она бросила телефон на диван и сердито направилась обратно в ванную. Надо принять ванну, чтобы успокоиться, но, к сожалению, в доме не было ванны. — Придётся купить.... КТВ в этом мире поэтически называли «ночным клубом». Как и следует из названия, это было место для вечернего времяпрепровождения. Конечно, караоке, громкие динамики и культура вина были занесены сюда благодаря путешественнику во времени Сима И, который, говорят, в последние годы планировал продвигать поп-музыку, но потерпел неудачу: это доказывало, что даже император, переживший века, не может навязать содержание предпочтений народа. Поэтому караоке-аппараты были заполнены классическими китайскими текстами и музыкой, что ставило Чэн Цзиньян в затруднительное положение... он не умел петь. В это время в комнате было много народу: помимо зрелой и обаятельной старшей сестры Чэн Синьнан, здесь собрались две её младшие сестры и младший брат — все они пришли по приглашению старшей сестры. Чэн Цзиньян, конечно, понимал, что Синьнан хочет, чтобы он познакомился с детьми семьи Чэн и восстановил родственные связи, поэтому он улыбнулся своим кузинам. Вторая дочь, Чэн Наньань, семнадцати-восемнадцати лет, по слухам, замужем за семьёй Ян в Тайане, была хрупкой девушкой в очках. Младшая сестра, Чэн Наньди, выглядела на пятнадцать или шестнадцать — ей очень интересно было узнать о связи Чэн Цзиньян с Синьнан, и она пыталась всячески разузнать детали разговора. Что касается Чэн Яна, то он был самым младшим в их семье и, бесспорно, пользовался любовью своих трёх сестёр. Однако этот юноша не проявлял завидованной избалованности; он вежливо обращался к Чэн Цзиньян как к «брату Цзиньяну», что оставляло у последнего исключительно хорошее впечатление о нём. — Не будешь заказывать песенку, брат Цзиньян? — обернувшись, спросил Чэн Ян. Чэн Цзиньян задумался: неужели ты никогда не слышал, как я не могу произнести половину слов из только что исполняемых текстов? — Если не споёшь, придётся расплатиться рюмкой! — весело рассмеялась Чэн Синьнан, бросив микрофон сестрам, а сама наливала вино. Чэн Наньди быстро схватила микрофон и закричала брату: — Быстрее, быстрее! Дай мне «бабочку для цветов» Ян Шу! Это о хризантемах, которые печалются о дыме! Чэн Ян мигом

переключил песню, а Чэн Цзиньян вдруг заметил одну из песен в списке: — «Шуэ Тяо Гэ Тоу. Когда придет яркий месяц», автор текста и музыки: Сима И. Ладно, не будем упоминать о плагиате названия. Поскольку песня также была написана этим автором, неужели классическая «Когда придет яркий месяц» Тересы Тенг — это не скопировано? На восемьдесят процентов это так! Не верю, что Сима И мог написать что-то еще, если уже не скопировал! — Думаю, смогу спеть это, — подал голос он. — Правда? Ты хочешь спеть «Шуэ Тяо»? — удивился Чэн Ян и заказал эту песню. — Да. — Улыбнувшись, Чэн Цзиньян ответил: — Попробую. — Почему, ты тоже любишь стихи и музыку Императора Сюаня? — внезапно подошла Чэн Синьнан, уставившись на экран караоке. В это мгновение её лицо оказалось так близко, что Чэн Цзиньян мог разглядеть тонкий макияж: глубокая подводка, яркие красные губы и очаровательный аромат, смешанный с запахом вина и парфюма. Время как будто замирало. В такой близости... неужели, повернув голову, она не может меня поцеловать? Скажет, что это случайность... Такие дьявольские мысли метались в его сознании. — Нет, веди себя нормально, у тебя есть невеста! Вскоре внутренний конфликт возник в сердце Чэн Цзиньян. С одной стороны, его неповторимая невеста; хоть между ними нет эмоциональной связи и их совместное существование основано на интересах, но это всё же законные отношения, и он должен заботиться о её чувствах. С другой стороны, его изящная и очаровательная кузина; чувства к ней, не имея никакой основы, были таинственны и внезапны, но в прошлом она всегда финансово поддерживала его, а сейчас является ключом к восстановлению связей с семьей Чэн в столице. Разве это не повод наладить с ней отношения? Конечно, это имеет смысл! Но ведь А Чжи... Мысли Чэн Цзиньян метались, терзая его сознание, то напоминая о невесте, то о кузине, каждая сторона взывала к его сдержанности, вторя и призывая его отпустить себя на волю. И вдруг его плечи обняла Кузина. В почти шокированном взгляде Чэн Наньан и Чэн Наньди Синьнан обняла его и весело рассмеялась: — Я думала, ты собираешься остаться зрителем всю ночь! Ай Ян, переключи на дуэт, я хочу спеть вместе с братом Цзиньяном. Что касается Чэн Цзиньян... его внутреннее равновесие окончательно пошатнулось: весы наклонились вправо, и взгляд скользнул по широко распахнутому вороту кухни Чэн Синьнан, вниз к бездонной пропасти греховных помыслов. Можно сказать лишь одно: прости меня, А Чжи!